

«Касается» с дательным падежом, «глубина» в см. морской пучины — библеизмы. Тем это интереснее, что «библейское» наводнение начато было, как обыкновенное батальное сравнение (битва — Этна, битва — буря, битва — наводнение и пр.), в соответствии с чем в начале картины Юг (т. е. Нот), так что вторжение богословского стиля произошло уже при разворачивании темы: очевидное доказательство силы нового элемента, который проникает даже в специфически одические строфы.

Строфы 19—20 нормальны, но в конце 21-й снова «грандиозно-теологический» язык:

Мечи, щиты и крепость стен
Пред божьим гневом гниль и тлен;
Пред ним и горы исчезают,
Пред ним пучины иссыхают.

В остальной части длинной оды (строфы 22—44) многое заслуживает внимания, напр. первое появление у Ломоносова американской темы (строфа 29), первый¹ набросок петербургской темы:

Ст. 417 и грады, где был прежде лес

и многое другое. Но для нашего вопроса это материал посторонний.

2

Итак, новая тема обнаружила такую «силу», что в чужеродную ей политическую антишведскую оду ввела три строфы подряд (6—8), потом могущественную строфу 10, а далее, в совершенно небогословских частях (18 и 21) еще два фрагмента. Все эти вводы характеризуются стилистическими обрывами, создающими небывалую у Ломоносова, ни до 1742 г., ни позже, стилистическую чересполосицу. Как понять это явление? Но, прежде всего, каков характер богословских вставок? Строфа 10 есть апология бога в первом лице (я правлю солнце, землю, море, — кто может стать со мною в споре?) и притом в форме «распри бога с противными». Шведы в роли этих «противных» вносят явную

¹ Первый у Ломоносова. Повидимому, в проповедях (Феофана и др.) и в похвальных словах впервые установилась формула «где прежде — там ныне», так что стихи Пушкина: «где прежде финский рыболов... ныне там...» представляют ссылку на ораторско-одическую традицию с давностью в пять четвертей века. Формула почти современна основанию Петербурга.